

Аркадий ХАСИН

ЦЫГАНСКИЙ БАРАК

Optimum

**ПОРАЙИМОС.
КНИГА ПАМЯТИ
РОМСКОГО НАРОДА**

**К 60-й годовщине
Холокоста
цыганского народа
во время второй
мировой войны**

Аркадий Хасин

ЦЫГАНСКИЙ БАРАК

Одесса
Optimum
2006

ББК 84 (4укр=рус) 6-5 Од.
Х 24

Издание осуществлено при поддержке Одесского областного цыганского конгресса и управления по делам национальностей и миграции Одесской областной государственной администрации.

Хасин Аркадий Борисович.

Х 24 Цыганский барак. Рассказ. – Одесса:
Изд-во «Optimum», 2004. – 40 с.

ISBN 966-344-075-9

Рассказ «Цыганский барак» рассказывает о страшных и горьких днях людей, попавших в фашистское гетто, но не потерявших своего достоинства, не сломленных духом.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 84 (4укр=рус) 6-5 Од

ISBN 966-344-075-9

© Изд-во «Optimum», 2006

©Хасин Аркадий Борисович, 2006

©Поповиченко Татьяна Евгеньевна,
оформление, 2006

Предисловие

Шоа, Холокост – эти слова говорят о многом.

За ними стоят Освенцим, Бухенвальд, Бабий Яр, Саласпилс и сотни других названий, навсегда связанных с горькой историей еврейского народа.

Но очень немногие знают слово Пораймос, за которым стоят те же Освецим и Бабий Яр, Дробицкий Яр и Маунтхаузен. Для нас, цыган, эти названия навсегда связаны с уничтожением Ромов только потому, что мы – Ромы.

Историю Холокоста изучают, преподают, создают музеи, ставят памятники замученным и невинно убитым. Истории Пораймоса у нас пока нет да и , по правде говоря, не могло быть раньше, когда судьба Ромов никого не интересовала – ни власть, ни политиков, ни ученых.

Воспоминания Аркадия Хасина открывают литературно-документальную серию «Пораймос. Книга памяти Ромского народа», не имеющую аналогов в Украине – серию книг о Холокосте Ромского народа.

Мы уверены, что эта серия станет достойным вкладом в европейскую историю Ромского народа, станет памятником безвинным жертвам чудовищных злодеяний фашизма.

С. Ермошкин,
председатель Одесского Ромского Конгресса

АРКАДИЙ ХАСИН

ЦЫГАНСКИЙ БАРАК

Можно прожить жизнь рядом и не узнать как следует близкого человека. Так что уж говорить о целом народе!

В детстве мама часто пугала меня цыганами. «Будешь плохо себя вести, – говорила она, – отдам цыганам».

К нам во двор приходил цыган-шарманщик. Положив у ног старую шляпу, он начинал крутить ручку шарманки, и двор наполнялся заунывными звуками. Обступив шарманщика, мы, дети, не сводили с него глаз. А он, задрав бородатую голову, смотрел на окна, откуда бросали ему иногда мелкие монеты. Мы подбирали эти монеты и клали ему в шляпу. Шарманщик переводил взгляд на нас, и его черные, пронзительные глаза нагоняли на меня страх...

Видел я цыган и возле рынка Привоз, когда ходил туда с мамой. Вернее, цыганок. В пыльных цветастых юбках, звеня монистами, они хватали за руки проходивших мимо женщин, приговаривая: «Молодая, давай погадаю!»

– Только остановись, тут же обворуют, – говорила мама и прибавляла шаг.

Аркадий ХАСИН

Иногда цыганки, держа на руках детей, ходили по дворам просить милостыню. Но как только они входили в ворота, хозяйки торопливо снимали с веревок сушившееся во дворах белье.

Много всякого наслышался я в детстве, но не задумывался об этих людях. Говорили даже, что они воруют детей, что женщины их – колдуньи...

И вот война, которая не обошла никого – ни русских, ни украинцев, ни евреев, ни ромов...

Вскоре после начала оккупации мы с матерью, как и другие евреи, оказались в гетто, откуда нас этапом погнали в концлагерь, наспех устроенный на окраине села Карловка в 150 километрах от Одессы. После войны Карловку переименовали в Зеленый Яр, и там, наверное, уже ичегго не напоминает об ужасе далеких военных лет*. Но в памяти человека ничего не переименовывается и не стирается...

Зимой 1943 года в наш концлагерь пригнали цыган. И барак, куда их поселили, начали называть «цыганский».

Это были те же цыгане, которых я, казалось,

*Село Зеленый Яр ныне расположено в Доманеевском районе Николаевской области

Цыганский барак

знал до войны, но теперь оборванные, грязные, измученные. Хотя и мы к тому времени, находясь в концлагере, выглядели не лучше. Единственное, что отличало цыган от нас, - они носили нательные кресты.

С приходом фашистских оккупантов крест неожиданно стал символом жизни. В первые же дни оккупации многие надели кресты, как бы заявляя: «Я – не еврей!» И когда нас гнали в гетто, на воротах домов я тоже видел кресты. Это означало – дом очищен от евреев.

Увидев этот символ жизни на цыганах, я спросил маму:

– А почему их тоже загнали за колючую проволоку?

Но мама только прижала меня к себе и заплакала.

Цыгане. . .

В концлагерной жизни появились вдруг люди, пренебрегающие лагерными порядками, позволяющие себе дерзить полициям, люди как бы свободные, независимые!

Идет, например, от колодца цыганка. Несет ведро с водой. Идет босая, хотя на дворе зима и у барачников висят сугробы снега. Навстречу цыган-

ке полица́й. Одет он тепло, и зима ему нипочем. Увидев цыганку, полица́й показывает кнутом на ее босые ноги и что-то насмешливо говорит. И вдруг цыганка, сверкнув глазами, обливает полица́я ледяной водой!

Матерясь, путаясь в полах тулупа, он гонится за ней, Но она уже в бараке! И попробуй разыщи ее в сумрачном помещении, полном этих шумных и отчаянных людей!

Или возвращается вечером из Карловки другая цыганка. Ускользнув из лагеря, она ходила гадать. Какая деревенская женщина, проводившая на фронт мужа или сына, от которых давно нет никаких вестей, откажется узнать от гадалки «всю правду» о родных людях? И цыганка возвращается в лагерь, неся котомку со всякой снедью.

У ворот лагеря полица́й, завидев цыганку, с яростью набрасывается на нее и стегает кнутом. Но женщина осыпает его такими проклятьями, что он отступает и, сплюнув, посылает «усих цыган», а заодно «и жидив до бисовой матери!».

Живя рядом с цыганами, изменила о них мнение и моя мама. А потом произошло вот что. Как-то возле «цыганского барака» остановила маму пожилая цыганка:

Цыганский барак

– Чего проходишь мимо? Зайди. Соседи все-таки.

Мама решилась и зашла. Так началась ее дружба с цыганкой Марией. Но сколько упреков пришлось выслушать маме за эту дружбу!

«Опомнитесь, Софа! Это же цыгане!» – говорили ей в нашем бараке. Или: «Ой, Софочка, на кого ж вы нас променяли?»

Мама отшучивалась. Но когда бывшая администратор Одесской филармонии Клара Борисовна, любившая хвастать своими знакомствами со всеми приезжавшими в Одессу до войны знаменитостями, ехидно спросила: «Софа, вы что, рехнулись? Они же нас обворуют!», мама выплила: «А что они у нас возьмут? Наш цурес?*».

Такой злой я не видел маму никогда. Но с того дня она стала заходить к цыганам чаще. Вместе с мамой начал ходить и я.

В «цыганском бараке» я как бы возвращался в детство. В Одессе, оставаясь иногда дома один, я играл в своих любимых книжных героев. То я представлял себя д'Артаньяном, сражающимся с

*Цурес (идиш) - несчастье, горе.

гвардейцами кардинала, то Оливером Твистом, бредущим по туманным улицам Лондона. И вот теперь, среди цыган, я снова был то маленьким Каем из сказки Андерсена «Снежная королева», то юнгой Джимом из «Острова сокровищ» Стивенсона... И еще мне казалось: за каждым из цыган есть какая-то тайна, и мне предстоит ее разгадать.

Приходили мы в «цыганский барак» вечером. Цыгане уже поужинали, посреди барака догорал дымный костер. От дыма глаза слезились, я начинал кашлять. И Мария, усаживая нас возле себя, совала мне в руки горячую, только что испеченную в золе картофелину. При виде этой картофелины, я сразу забывал про дым и про слезы. Только ради этой картофелины стоило приходить в «цыганский барак»!

Пока мама беседовала с Марией, я разглядывал цыган. Недалеко от меня, баюкая детей, сидели те самые цыганки, что так дерзко разговаривали с полицией. Но сейчас это были обыкновенные матери, любовно прижимавшие к себе своих детей.

И еще мне нравился один старый цыган. Он всегда сидел в стороне от всех и постоянно что-то мастерил. То шил постолы - лапти из коровьей

Цыганский барак

кожи: их носил весь лагерь. А то лепил из глины всевозможных зверюшек: осликов, верблюдов, слоников. Эти игрушки цыганки, бывая в деревне, продавали крестьянской детворе. Нам - отдавал даром. Мне он подарил крокодила. Эта самодельная глиняная игрушка хранилась у меня и после освобождения. Но при переезде в Одессе с квартиры на квартиру пропала...

Как-то на моих глазах «игрушечник», как называла старого цыгана моя мама, с такой яростью плюнул вслед старшему полицаяу Дорошенко, что тот оглянулся. Если бы старик начал убегать, полицай догнал бы его и избил. Но старик стоял, сжигая Дорошенко взглядом, а тот, лишь погрозив кнутом, пошел дальше.

«Игрушечник» напоминал мне шарманщика, который до войны приходил к нам во двор в Красном переулке. Но этого я не боялся, как того. Наоборот, в его присутствии, как, впрочем, и в присутствии других цыган, я чувствовал себя в большей безопасности, чем в нашем бараке. Туда в любую минуту мог ввалиться пьяный полицай со всеми вытекающими из этого «визита» последствиями. В «цыганский барак» полицайи ходить побаивались.

Аркадий ХАСИН

Звали «игрушечника» Степан. И жизнь его, по словам Марии, была похожа на приключенческий роман.

Родился и вырос он в таборе, который кочевал по Румынии, Бессарабии, Украине - в те далекие времена, задолго до Октябрьской революции, никаких виз не существовало и цыгане свободно передвигались из одной страны в другую.

Когда в России, после прихода к власти большевиков, разгорелась гражданская война, табор Степана оказался на Украине, на берегах реки Припять, возле еврейского местечка Чернобыль. Того самого местечка, которое спустя много лет, в апреле 1986 года, печально прославилось на весь мир атомной катастрофой.

Вскоре после того, как табор распряг коней и разжег первый костер, в местечко пришли петлюровцы, учинив там сразу еврейский погром. Степану удалось спрятать в своей повозке и спасти еврейского мальчика. Звали мальчика Ефим Эпштейн. Родителей и родственников мальчика убили, и когда цыгане двинулись в дальнейший путь, маленький Ефим отправился с ними.

Степану было тогда тридцать лет. Жена его сбежала в Румынии с каким-то офицером, и

Цыганский барак

Степан, живя в таборе один, очень привязался к спасенному мальчугану. Он учил его играть на скрипке, научил танцевать и вскоре еврейского ребенка стали принимать за настоящего цыгана. Он и сам считал себя цыганом, кочуя вместе с табором и танцуя на городских площадях, выпрашивая милостыню.

Но однажды, было это в 1925 году, во времена НЭПа, когда в России после разрухи, вызванной гражданской войной, по инициативе Ленина была разрешена частная собственность и многие, как и в нынешние времена, быстро разбогатели, табор остановился на окраине Могилева.

Узнав, что на базарной площади играют и пляшут цыгане, местный богач позвал их веселить гостей на свадьбе своего сына.

И тут один из гостей, толстый пожилой еврей, увидел Ефима. Подозвав мальчика, он потрепал его пухлыми пальцами по впалой щеке и сказал:

– Послушай, детка. Ты прямо одно лицо с моим родным братом. Его убили петлюровцы. Как тебя зовут и откуда ты? Скажи, я дам тебе денег.

Услыхав, что мальчика зовут Ефим и родом он из Чернобыля, этот человек в страшном

волнении закричал:

– Это сын моего убитого брата! Это он!

Разразился скандал. Гость кричал, что цыгане украли еврейского ребенка. И как цыгане ни пытались объяснить разъяренным гостям, что ребенка не украли, а спасли, никто их не слушал.

Вызвали милицию, Степана арестовали. Цыгане толпой пошли за ним в участок, а Ефим, воспользовавшись суматохой, убежал в табор. Всю ночь он просидел под какой-то телегой, дрожа от страха. Но утром в табор пришел милиционер, нашел мальчика и отвел к дяде.

Эта история попала в газеты. Был суд, и Степана приговорили к нескольким годам тюрьмы.

Выйдя на волю, Степан не вернулся в табор: начиналась сталинская коллективизация. Крестьян загоняли в колхозы, а цыган принуждали к оседлому образу жизни. Да и где может быть табор, Степан не знал.

Он поселился на той же окраине Могилева, где когда-то стоял табор, и начал сапожничать. Как многие цыгане, он был мастером на все руки. А Могилев выбрал потому, что надеялся хоть иногда видеться с Ефимом.

Цыганский барак

Но надежды на встречу с мальчиком не оправдались. Семья Эпштейнов переехала в другой город, но в какой, не знали даже соседи.

НЭП кончился. Сталинская власть отняла у бывших нэпманов нажитое добро, выселяла их из квартир, сажала в тюрьмы. Многие, как и семья Эпштейнов, меняли адреса...

Может, так и жил бы Степан, сидя с утра до вечера в покосившейся сапожной будке, прибивал бы каблуки и набойки. Но однажды попалась ему на глаза мятая газета, в которой какая-то женщина принесла в починку туфли. С грязного газетного листа на Степана смотрел Ефим.

Черные волнистые волосы, выпуклые бархатные глаза, улыбка с ямочкой на щеке – он! В руке мальчик держал скрипку.

А надпись под фотографией гласила: «Победитель конкурса молодых скрипачей, ученик Одесской школы имени профессора П.Столярского Ефим Эпштейн».

Степан заметался. Одесса! Значит – туда!

Но в поезде с ним случилась новая беда. У какой-то женщины украли чемодан. Кто? Цыган!!!

И вместо Одессы Степан оказался в милиции. Времена были жестокие – сажали за унесенный с

поля колосок, за вынесенную с завода ржавую гайку. А тут – чемодан!

Запросили Могилев. Да, есть такой, цыган, сапожник, судим. И Степан снова загремел на несколько лет...

Вышел уже перед войной. Ни кола ни двора. Кое-как он добрался все же до Одессы и сразу на привокзальной площади повстречал нескольких цыган. Разговорились, те приютили его у себя.

Кормились цыганки гаданием и мелкой торговлей. Торговали на Привозе в женском туалете чулками, нитками, губной помадой. Чем придется. В стране победившего социализма все было дефицитом, все имело спрос. А туалет был прикрытием – милиционеры в него не заходили...

В первый же день приезда в Одессу Степан нашел школу Столярского.

В канцелярии школы пожилая секретарша смерила Степана неприветливым взглядом, спросила:

– Вам кого?

– Ефима Эпштейна.

Удивленно посмотрев на невесть откуда взявшегося в стенах этого храма музыки цыгана, секретарша мотнула головой:

– Исключается.

– Почему?

Не удостоив больше Степана взглядом, секретарша начала строчить на машинке. Огорченный Степан вышел в коридор, но на лестнице его догнала уборщица. Она протирала в канцелярии окна и слышала разговор. Тронув Степана за рукав, женщина сказала:

– Фимы Эпштейна нет в Одессе. После окончания нашей школы он поступил в Московскую консерваторию.

Так и не повидал Степан своего любимца. А вскоре началась война...

Вот такую историю о старом цыгане и еврейском мальчике рассказала Мария. Сама же она, как говорила мама, была «непростой» цыганкой. До войны Мария жила в Москве и шила костюмы для театра «Ромэн». Накануне войны она с сыном приехала в Одессу к родственникам, здесь и застала их война.

Выбраться в Москву не было никакой возможности. Поезд, в который они с трудом втиснулись, попал под бомбежку. Вагон загорелся, и они еле успели из него выскочить. Но тут их начали обстреливать пролетающие над головами

«мессершмитты». Упав на раскаленную июньским зноем землю, они не верили, что выберутся из этого живыми. Но самолеты улетели, а они побрели назад в Одессу.

Несколько других попыток добраться до Москвы ни к чему не привели. Одесса была в осаде, город непрерывно бомбили, и сообщение с Москвой было прервано. Так они остались в оккупации...

То, что испытала Мария с сыном, роднило нас. И мы пережили бомбежки Одессы. И мы пытались выбраться из осажденного города. Только не поездом, а морем. Но попав под фашистские бомбы в порту, видя, как тонет у причала огромный пароход, мама потянула меня домой, вечером она сказала:

– В городе ходят слухи, что в 1918 году, когда немцы оккупировали Украину, гражданское население они не трогали. Может, и сейчас обойдется. И потом, на каждом углу расклеены листовки: «Одесса была и будет советской!», «Одессу не сдадим!» Чего же нам уезжать и погибать где-то в море?

Сына Марии звали Петр, было ему лет восемнадцать, и он был такой красивый парень,

что даже Клара Борисовна, упрекавшая маму за дружбу с цыганами, как-то сказала:

– В одном я с вами согласна, Софа. На такого красавчика и я бы ходила любоваться по вечерам!

Но Петра вечерами мы видели редко, а когда мама однажды спросила «Мария, где же ваш сын?», она улыбнулась и загадочно ответила:

– Цыгана, как и волка, ноги кормят.

Петра я встречал по утрам, когда он шел на работу вместе с другими цыганами. Работали они отдельно от нас. Строили недалеко от Карловки новый коровник. Но Петр работал в кузнице. «Мечтал стать артистом, а стал кузнецом», пожаловалась однажды Мария. «Если останемся живы, все мечты сбудутся», – ответила ей мама.

Мария любила слушать рассказы мамы. О том, например, как мама познакомилась с моим папой. И как они встречались тайком. А тайными их свидания были потому, что папа был намного старше мамы и моя бабушка, мамина мама, не разрешала встречаться. Рассказывала мама и о том, как, мечтая сделать из меня пианиста, водила на уроки музыки. А я, если ходил на уроки один, проходил мимо двора учительницы и устремлялся на Приморский бульвар. Меня больше привлекали

стоявшие в порту пароходы и уходящее вдаль к загадочному горизонту море.

Мама видела меня в будущем известным пианистом, как это было принято тогда в еврейских семьях, а я мечтал стать моряком...

Но особенно любила слушать Мария про Одесский оперный театр. Мама дружила со многими музыкантами оркестра театра, знала по фамилиям всех: оперных певцов и балерин. И не было такой постановки в театре, на которую она не приходила бы с цветами. Меня мама водила в театр каждое воскресенье. Были мы в оперном театре и в то страшное утро 22 июня 1941 года. Не помню название спектакля, но хорошо помню, что как только оркестр начал играть увертюру, на сцену поднялся какой-то военный и хриплым о волнения голосом крикнул:

– Вторая рота, выходи строиться!

Сидевшие в зале красноармейцы повскакали с мест и бросились к выходу. За ними, не понимая случившегося, бросились и остальные зрители.

Улица перед театром была полна народу. В непривычной для Одессы тишине все слушали выступление по радио наркома иностранных дел Молотова.

Цыганский барак

Война!..

...Но бывали в бараке вечера, когда рассказывала только Мария. В ее рассказах открывался для нас новый, удивительный мир. Ее рассказы, как говорила мама, были «поэмами о цыганах». До революции, по словам Марии, цыганские хоры знала вся дворянская и купеческая Россия.

– Недаром «цыганоманами», – говорила Мария, – были все великие русские писатели и поэты: Лев Толстой, Николай Лесков, Александр Пушкин, Николай Некрасов и многие другие. И если бы вы только знали, Софа, сколько цыганок вышли замуж за дворян и богатых русских купцов!

Как-то рассказала Мария такую историю.

– Моя бабушка пела в цыганском хоре знаменитого московского ресторана «Яр». И вот в 1915 году, мне было тогда 15 лет, бабушка дала мне пригласительный билет в московское Дворянское собрание. Там должен был состояться большой концерт в пользу раненных на фронте русских воинов. Шла первая мировая война, и цыгане этим концертом хотели внести свой вклад в защиту Отечества. Помню чудесный, ярко освещенный хрустальными люстрами зал.

Свободных мест - ни одного! На сцену вышли цыгане «Яра» в таких красочных костюмах, аж в глазах зарябило! А за ними, под бурные аплодисменты, вышла знаменитая в те времена Настя Полякова. Смуглая, статная... О Насте говорили: «Не певица, а царица!» С Настей вышли два гитариста и началось! Чего только не пела тогда Настя. И «Ах да не вечерняя», любимая песня Льва Толстого, и «В час роковой», «Отойди, не гляди», «Успокой меня беспокойного». И, конечно, «Очи черные». А гитаристы аккомпанировали такими переборами, закачаешься! После Насти цыганские романсы пел не менее знаменитый Юрий Морфесси. Из газет все знали, что Морфесси пел перед императором на царской яхте «Полярная звезда», за что получил от Николая Второго подарок - запонки с бриллиантовыми орлами. Что сказать - успех концерта был потрясающий! Да и при Советской власти цыганский театр «Ромэн» славился на весь Советский Союз.

От Марии мы узнали и историю создания театра. Он был открыт постановлением советского правительства в 1931 году, и, как сказано было в постановлении, театр должен был

Цыганский барак

пропагандировать переход цыган к оседлому образу жизни. Но вот что интересно. Как сказала Мария, первым художественным руководителем театра был не цыган, а еврей Гольдблат. По Москве ходил такой анекдот, – со смехом говорила Мария, – «В театре «Ромэн» побывал американский журналист. После спектакля он спросил Гольдבלата: «Скажите, пожалуйста, сколько у вас в театре настоящих цыган?» На что Гольдблат ответил: «Кроме меня и Рабиновича, все остальные евреи». Конечно, в хоре пели цыгане. Но, как видите, судьбы наши давно переплелись», – закончила рассказ Мария.

Читатель вправе спросить: как это после стольких лет, прошедших со времени описываемых событий, я помню все имена и фамилии и даже названия цыганских песен? Отвечу.

Сразу после освобождения в марте 1944 года я задался целью написать обо всем пережитом книгу. Мне было всего 14 лет, и, разумеется, никаких навыков литературной работы у меня не было. Но память ярко хранила имена и фамилии из рассказов не только Марии, но и других узников гетто и орловского концлагеря. Ведь чем занимались люди там по вечерам? Рассказывали

друг другу свои истории. А я впитывал услышанное.

Мечтая о книге, я скрупулезно записывал даты, события, имена, начиная с первого дня прихода в Одессу оккупантов до дня нашего освобождения, то есть, с 16 октября 1941 года по 28 марта 1944.

Помню, например, выход при оккупантах первой газеты. Называлась она «Молва», ее вывесили возле филармонии, на Пушкинской улице. Там сообщалось о переименовании одесских улиц: Пушкинская стала «Адольфа Гитлера», Бебеля, ныне Еврейская, – «Бенито Муссолини», Красной Армии, ныне Преображенская, – «Михая Первого». Помню даже напечатанные в этой газете анекдоты. Одна подруга жалуется другой: «Что делать? Я забеременела от немецкого офицера, родится ребенок, а я не знаю немецкого языка. Как я буду с ним разговаривать!» Или другой анекдот: «Румынский офицер спрашивает немецкого офицера: «Как расшифровывается СССР?». Тот отвечает: «Три срулика и один русский!» Ну, а главной новостью газеты было то, что отныне городской голова города – Герман Пынтя, а губернатор Транснистрии – профессор Алексяну.

Цыганский барак

Все эти подробности я записывал в тетрадь, которую прятал даже от мамы. Она бы мне сказала: «Выброси. У нас и так хватает неприятностей!»

Эта тетрадь, с выцветшими чернилами, с пожелтевшими страницами, помогла мне писать книгу о наших страданиях, которую я назвал «Возвращение с Голгофы». Эта же тетрадь помогла мне написать и этот очерк. Но кроме того, когда я решил написать и о страдавших вместе с нами в Карловском концлагере цыганах, я нашел в Одесской публичной библиотеке материалы о цыганском театре «Ромэн». Так что за точность имен и фамилий – ручаюсь.

Но вернемся к событиям тех дней.

Однажды мне приснился сон. Этот сон с неумолимой последовательностью снился мне несколько дней подряд и каждый раз пугал меня. А сон был такой.

Я иду по летней Одессе. Над городом стоит огромное солнце. Иду на Ланжерон. Издалека доносится неумолчный рокот моря, как обещание долгожданного покоя. Прихожу на пляж, па берегу никого. Море искрится под солнцем, и мне не терпится поскорее раздеться и нырнуть в эту искрящуюся прохладу. Но вдруг из моря

поднимается зловещая фигура. Она протягивает ко мне мохнатые руки, и я узнаю в этой фигуре цыгана-шарманщика. Я бегу в город. Но шарманщик гонится за мной, и я слышу за спиной его тяжелое дыхание. Оглянувшись, я вижу вместе с бегущим за мной шарманщиком и цыганок с Привоза. Они кричат: «Молодой, давай погадаем!» Но если я остановлюсь, меня задушат... Я вскрикивал и просыпался. Сразу просыпалась мама и тревожно спрашивала:

– Что? Что с тобой?

Чтобы не волновать маму, я говорил:

– Какая-то ерунда приснилась.

– Спи, спи, – успокаивала меня мама. – До утра еще далеко.

Но заснуть я уже не мог и, лежа в душном, стонущем и всхлипывающем бараке, слушал отдаленный лай деревенских собак, вспоминал свою довоенную жизнь: школу и первую учительницу Эстер Лазаревну, именины и нетерпеливое ожидание гостей с подарками, праздничные демонстрации, на которые ходил с отцом. И еще вспоминался ночной арест отца осенью 1937 года, обыск в нашей квартире и трясущиеся руки мамы, когда она совала отцу

Цыганский барак

завернутые в газету бутерброды. А мордатый дядька, производивший обыск, подмигнул своему напарнику и сказал: «Не надо ему бутерброды, там накормят!»

С Эстер Лазаревной мы встретились уже на Слободке, в гетто. Она умерла зимой 1942 года от сыпного тифа. И я был во дворе гетто, когда ее вместе с другими трупами, погрузили на подводу и увезли...

Я засыпал под утро и снова видел тот же сон.

Наконец я не выдержал и рассказал про сон маме. Я думал, она посмеется и скажет: «Пройдет». Но мама сказала:

– Идем к Марии. Может, у них есть цыганка, которая снимет с тебя это наваждение?

Мария тоже отнеслась к моему сну серьезно. Погладив меня по голове, она сказала:

– Поговорю с Настей. Это по ее части.

Настя оказалась той самой цыганкой, которая облила водой полицая. Он поймал ее потом и избил, и, когда Настя лежала на нарах и стонала от побоев, сын Марии поклялся за нее отомстить.

Рассказав нам об этом, Мария вздохнула:

– Не натворил бы Петр беды...

А Настя, усадив меня в своем углу, где спал в

Аркадий ХАСИН

подвешенной к потолку люльке ее ребенок, удивила тем, что вместо ожидаемого от нее какого-то колдовства, сказала:

– Видишь на щеке у меня шрам? Это от кнута полица. Так и у тебя, шрам от жизни. Сон – это шрам. Но и со шрамами люди живут. А цыгане тебе снятся потому, что нами пугают детей. Но мы не страшные. Мы просто другие. И вы, евреи, другие. Поэтому нас с вами не любят.

Она взяла мою ладонь, внимательно рассмотрела и улыбнулась:

– А жизнь у тебя будет большая и интересная. И жена у тебя будет красавица. Понял?

Я кивнул.

Было ли это колдовство или нет, не знаю. Но с того дня сон мне тот больше не снился. А все, что нагадала Настя, сбылось.

А с Петром случилось вот что. Было это летом 1943 года. Однажды меня и еще одного мальчика с нашей стройки послали в кузницу, отдать в ремонт развалившуюся тачку. Кузница находилась на краю Карловки. Еще издали слышали мелодичный перезвон молотков. А когда вошли в кузницу, застыли у порога, очарованные увиденным.

Цыганский барак

В кузнице ярко пылал горн, освещая двух полуголых цыган. В одном из них я узнал сына Марии. Он держал длинными клещами раскаленную полосу железа, а напарник его, кряжистый бородатый цыган, звонко стуча по наковальне молотком, выгибал из этого железа подкову.

Когда подкова была готова, Петр окунул ее в воду, она зашипела, обдав Петра паром. Подождав, пока подкова перестанет шипеть, Петр выхватил ее из воды и бросил на кучу готовых подков.

Заметив нас, он вытер со лба пот и подошел:

– Что у вас?

Мы показали на тачку. Петр присел, внимательно осмотрел тачку и выпрямился :

– До завтра сделаем.

Утром мы пришли за тачкой. Отремонтированная, она ждала уже нас у дверей.

Снова засмотревшись на спорую работу кузнецов, мы не заметили, как в кузнице появился полицай Климчук. Тот самый, что избил Настю.

Увидев нас, он заорал:

– Чого глаза вылупылы? Марш на працю!

Схватив тачку, мы помчались на стройку. Мы даже обогнали повозку, в которую была запряжена

знакомая нам Манька, тощая несчастная лошадь, на ней нам привозили обед: суп с очистками гнилой картошки. И когда мы стояли в очереди за этой «едой», в голодном нетерпении толкая друг друга, Манька смотрела на нас такими печальными глазами, что казалось – вот-вот заплачет...

Вечером мы с мамой пришли в «цыганский барак» и увидели опухшую от слез Марию. Рядом стояла заплаканная Настя.

– Что случилось? – испуганно спросила мама.

– Ой, Софа, – всплеснула руками Настя, – горе у нас!

Из сбивчивого рассказа Насти мы поняли, что Петр повздорил с полицаем, который утром при мне зашел в кузницу. Петр ударил его, но на беду в тот момент в кузницу вошли еще двое полицаев, Дорошенко и Луценко. Им нужно было подковать лошадей.

Сейчас Петр сидит под арестом в Карловке. Полицаи решают, что с ним делать...

Прошел день или два. И вот ранним утром в лагере появились человек пятнадцать вооруженных полицаев. Они съехались в Карловку из Доманевки, Ахмечетки и других окрестных сел.

Ворвавшись в бараки, они выгнали всех на

Цыганский барак

улицу и построили в большой круг, цыган – отдельно.

Стоя. возле мамы, я с ужасом подумал, что цыган начнут сейчас расстреливать. Я вдруг ахнул: в круг втолкнули Петра. Руки у него были связаны, лицо в крови. Как слепой, он смотрел все время в одну точку.

Над лагерем повисла мертвая тишина. Я думал, Мария, увидев сына, закричит или рванется к нему. Но молчала и она. Только нервно теребила концы накинутаго на голову платка.

Вслед за Петром полицай Дорошенко ввел в круг оседланного коня. Тут же двое подручных повалили Петра на землю и привязали к конскому хвосту. Дорошенко подошел к коню, похлопал по жилистой шее, вскочил в седло и, гикнув, огрел коня плетью. Конь вздрогнул и понесся по кругу, волоча за собой связанного человека.

Вот тут и потряс всех крик Марии. Сорвав с головы платок, она рвалась к сыну. Но цыгане удержали ее: под дулами винтовок этот порыв был бесполезен... А Дорошенко хлестал и хлестал коня, и с каждым кругом за Петром увеличивался кровавый след. Даже комья земли, летевшие из-под копыт коня, были в крови.

Аркадий ХАСИН

У Дорошенко слетела фуражка. Волосы спутались и упали на глаза. Но он, как одержимый, хлестал коня. Наконец эта жуткая скачка кончилась. Дорошенко подъехал к цыганам, спрыгнул на землю и, отвязав неподвижного Петра, пнул ногой:

– Забери!

И, повернувшись к узникам, гаркнул:

– Геть на роботу!

Все поспешно стали расходиться. А полицаи, оживленно переговариваясь, заторопились в Карловку праздновать свою «победу».

Возле распростертого в луже крови Петра остались только цыгане.

Подошли и мы с мамой. Несчастливая Мария, судорожно всхлипывая, смотрела на безжизненное тело сына, не зная, что предпринять. А Настя, присев возле Петра на корточки, отгоняла от его лица мух.

И вдруг Петр разжал губы и прошептал:

– Не плачь, мама, Мы – народ живучий...

При этих словах все словно опомнились и, подхватив Петра на руки, понесли в барак.

После работы мы сразу пришли к Марии. Посреди барака горел костер, освещающий лежавшего

Цыганский барак

на полу Петра. Он был мертв. Старая цыганка, давно не сползавшая с нар, сидела с распущенными седыми волосами в ногах Петра и читала зауспокойную молитву. Цыгане молчали.

А Мария смотрела на сына запавшими от горя глазами и стонала, как в бреду.

Неожиданно в барак вошла Клара Борисовна. Постояв у дверей, она подошла к Марии и тихо сказала:

– Примите сочувствие и от нашего барака.

Похоронили Петра за лагерем, на высоком холме, установив на могиле деревянный крест.

Отправляясь теперь по утрам на работу, я первым делом смотрел на этот крест. За ним всходило солнце. Яркий, в полнеба, восход был как надежда на наше освобождение.

А Степан исчез. Тогда же исчез и полицай Климчук. В лагере перешептывались, что Степан заколол полицая ножом и ушел в сторону приближавшегося фронта. А нож он отковал в кузнице, в которой работал Петр...

28 марта 1944 года нас освободила Красная Армия. И в суматохе тех радостных дней, когда каждый старался поскорей покинуть это страшное место, мы не успели даже попрощаться с

Аркадий ХАСИН

обитателями «цыганского барака». Что стало с Марией, вернулась ли она в Москву, в свой театр «Ромэн», или осталась где-то вблизи от могилы сына, мне неизвестно. Потом в Одессе, встречая на улицах ромов, я всегда вглядывался в их лица, но ни одного знакомого не встречал.

И только вспоминал и до сих пор вспоминаю слова моей лагерной гадалки Насти:

– Не надо нас бояться. Мы не страшные. Мы

Літературно-художнє видання

Хасін Аркадій Борисович
ЦИГАНСЬКИЙ БАРАК
Оповідання

Одеса, видавництво "Optimum"
Російською мовою

Литературно-художественное издание

Хасин Аркадий Борисович
ЦЫГАНСКИЙ БАРАК
Рассказ

Главный редактор А. А. Таубеншлак.
Редактор Н. А. Маковец.
Технический редактор А. И. Ковердюк.
Художественный редактор В. В. Котов.
Корректор И. Р. Харитонкина.

Сдано в набор 16.01.2006. Подписано к печати 29.02.2006.
Формат 70x100/32. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать цифровая. Усл.печ.л. 1,25. Уч.-изд.л. 1,05.
Тираж 500 экз. Заказ № 83

Издательство «Optimum», 65026, г. Одесса, ул. Дворянская, 7;
тел. (048) 726-48-98; тел/факс (048) 728-81-62;
e-mail: optimum1@ukr.net

Лицензия ДК № 927 от 23.05.2002 г.

Отпечатано в типографии ТОВ «ЛЕРАДРУК», 67400,
г. Раздельная Одесской обл., ул. Ленина, 44

**По вопросам издания литературы
различных жанров
обращаться:**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ОПТИМУМ»**

65026, г. Одесса, ул. Дворянская, 7

тел: (048) 726-48-98

тел/факс: (048) 728-81-62

e-mail: optimum1@ukr.net

